

Заколдованные

Лучшие Сказки Мира

Амос Тутуола

Моя жизнь в лесу духов

OCR Busya

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=160718

«Заколдованные леса», серия «Лучшие сказки мира»: Terra Fantastica;

Москва; 1993

Аннотация

Амос Тутуола создал свой собственный странноватый вневременной мир, в котором гармонично сосуществуют мифы и религиозные таинства Черного континента и hi-tec Запада. Сюжет «Моей жизни» типичен и для Тутуолы, и для мифологических сказаний: путешествия и приключения, всяческие существа и духи и неизбежный благополучный конец. Нетипично другое – взрывная ирония и абсурд, что лишний раз подтверждает репутацию Амоса Тутуолы как абсолютно оригинального писателя, мастера соединять несоединимое.

Содержание

Познание «худа» и «добра»	4
В лесу духов	10
Смрадный дух	17
Моя жизнь в седьмом городе духов	22
Моя жизнь среди коров	31
Меня спасает кола	35
На празднестве поминовения	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Амос Тутуола

Моя жизнь в Лесу Духов

Познание «худа» и «добра»

Я стал различать «худо» и «добро» только к семи годам от рождения, когда заметил, что у отца три жены, как и полагалось по тем временам, хотя теперь-то времена другие. Матушку отец взял в жены последней, но она родила ему двух сыновей, а первые две жены всё рожали дочерей. И вот рожали они отцу дочерей, а маму и брата и меня ненавидели, потому что мы с братом, как им правильно думалось, должны были сделаться после смерти отца главными наследниками отцовского достояния и правителями над всеми его домочадцами. Брату тогда было одиннадцать лет, а мне самому исполнилось семь, и я уже познал «худо» — из-за ненависти, — но «добро» еще распознать не успел.

Матушка вела мелочную торговлю — отправлялась всякий день поутру на базар, а вечером приходила обратно домой; или, если базар был очень далекий, возвращалась к вечеру на следующий день, как упорная труженица базарной торговли.

В те давние дни неизвестного года, потому что я был тогда еще маленький и не мог запомнить, какой шел год, Африку все время донимали войны, и некоторые из них называ-

лись так: обычные войны, племенные войны, грабительские войны и войны из-за рабов – они полыхали в городах и деревнях, а особенно на больших дорогах и базарах во всякое время года и суток, или беспрестанно, и ночью и днем. Войны из-за рабов оборачивались бедой для любых африканцев от мала и до велика, потому что если их забирали в плен, то безжалостно продавали, как рабов, чужестранцам для насильственного угона в неведомые земли на рабский труд или на верную смерть – когда их приносили в жертву богам.

Но матушка вела мелочную торговлю, а поэтому бродила по окрестным базарам, и вот однажды она ушла на базар – за четыре мили от нашего города – и оставила дома два ломтика ямса (брату и мне), как делала всегда. В двенадцать часов по дневному времени, когда петухи прокукарекали полдень, мы с моим братом вошли в ее комнату, где она оставляла нам поджаренный ямс – а то на кухне его могли отравить две другие жены, которые с дочерьми, – взяли каждый по своему кусочку и без всяких промедлений принялись есть. Но пока мы ели в ее комнате ямс, другие жены сумели узнать, что война из-за рабов подступила к нашему городу и скоро вломится на городские улицы, а нам они об этом не сообщили – по ненависти – и убежали из города вместе с дочерьми, но, конечно, без нас, тайком и украдкой, хотя догадались, что нашей матушки нет и, значит, никто не придет нам на помощь.

А мы с моим братом, несмышленные малыши, еще не по-

знавшие «худа» и «добра», стали плясать под вражью стрельбу в той самой комнате, где мы ели ямс, потому что наш город окружали горы с дремучими чащами из высоких деревьев, и страшные звуки вражьей стрельбы доносились до нас только гулким эхом, нисколько не страшным, а звонким и радостным. В общем, стали мы с братом плясать, как если бы нам послышалась веселая музыка.

Но враги все ближе подходили к городу, и веселое эхо обернулось стрельбой, а наши пляски – трясучим страхом, потому что весь город начал содрогаться. И когда нам стало от страха невмоготу, мы выскочили из матушкиной комнаты на веранду, но там, конечно, никого уже не было, да и во всем городе, когда мы глянули с крыльца, тоже никаких горожан уже не было, а только брошенные домашние животные вроде свиней, овец или коз, да наземная птица наподобие кур, да дикие звери из ближних чащоб – такие, как волки, обезьяны и львы, – загнанные в наш город непрерывной стрельбой. И все они ошалело носились по улицам с ужасающим рыканьем, воем и визгом в поисках, куда бы им спрятаться от напасти или где бы им найти хозяев. Как только мы обнаружили, что весь город обезлюдел, нам сразу же захотелось убежать подальше, потому что до этого мы со страхом озирались, но никуда не бежали, а стояли на месте.

Сперва мы двинулись к северной окраине, откуда начиналась дорога в тот город, где жила наша бабушка – матушкина мать.

Но домашние животные, а главное звери, устрашающе пу-
тались у нас под ногами, и тогда мы помчались зигзагообраз-
но – сначала на север, а после к югу, где большая река пере-
секала дорогу, которая вела в безопасное место, или недале-
кий бабушкин город.

А враги с каждым выстрелом подступали еще ближе, и мы
поспешно переправились через реку и еще поспешней побе-
жали дальше, и когда увидели развесистое дерево, на кото-
ром росли африканские фрукты, то свернули к дереву, чтоб
найти убежище, но, пока мы бежали со всех ног вокруг дере-
ва, – может, нам удастся отыскать убежище, – на землю упали
два спелых плода, и брат подобрал их и сунул в карман, а
когда убежища под деревом не нашлось, он подхватил, или
взял, меня на руки, потому что я оказался по малолетству
слабый и не мог бежать так же быстро, как он. Но и сам он
оказался по малолетству слабый, чтоб нести на руках такой
груз, как я, и вот, пробежав только десять футов, он успел
упасть раз пять и больше.

В общем, он выбился из последних сил, но ветер дунул
нам прямо в ноздри запахом пороха от вражьей стрельбы, и
мы уstraшились хуже, чем прежде, и брат опять подхватил
меня на руки и помчался со мной, как с ношей, вперед, но,
когда я заметил, что за короткую перебежку у него много
раз подкашивались ноги, я ему посоветовал убежать одному
для спасения своей жизни от вражьей напасти и сыновних
забот о матушке после войны – у нее ведь не было детей,

кроме нас, а со мной на руках он убежать бы не смог. И еще я сказал ему, что мы с ним встретимся: если бог избавит меня от смерти, то на земле, а если попустит умереть, то в небе.

При моих печальных словах о смерти брат безутешно заливался слезами, но я-то, конечно, слезами не заливался, мне-то пришлось успокоиться на мысли, что враги захватят меня в рабство или убьют. И с тех пор я верю по сегодняшний день, что, если кого-нибудь напугать до смерти, он уже ничего не будет бояться. И вот брат рыдал в два ручья, или оба глаза, а у меня слез не было ни в едином глазу, и, когда мы увидели дым от стрельбы, брат распрощался со мной на дороге и побежал вперед во все оставшиеся силы, но потом вернулся и вытащил из кармана два подобранных с земли плода и дал мне их оба вместо одного. А потом стремглав побежал вперед и скрылся вдали незамеченно для врагов, но, пока его совсем не заслонили деревья, потому что дорога впереди заворачивала, он оглядывался на меня со слезами и грустью.

А когда он окончательно исчез из виду, я сунул оставленные плоды в карман и вернулся обратно к фруктовому дереву, с которого свалились эти плоды, и спрятался под ветками от солнца и ужаса. Но когда стрельба неодолимо приблизилась и я заметил, что от меня до врагов осталась только $1/8$ часть мили, мне по малолетству пришлось отступить – малолетние не могут спокойно слушать страшные звуки вражьей стрельбы, – и я шагнул в Неизвестный Лес, который

начинался у фруктового дерева. Фруктовое дерево было мне ЗНАК, а какой это знак, узнается в будущем.

Так я остался один на один со своей судьбой в Неизвестном Лесу, потому что ни матушки, ни отца, ни брата или какого-нибудь другого защитника для спасения меня от неминуемых бед, если и когда они стрясутся, там не было. Я-то остался в Неизвестном Лесу, а брат слишком долго нес меня на руках, и враги догадались, куда он скрылся, и минут через десять сумели поймать, но не убили насмерть, а забрали в плен, потому что я слышал, как он звал на помощь, когда его безжалостно уводили в рабство.

В лесу духов

Я надежно спрятался в Неизвестном Лесу, но мне не удалось притаиться на месте, потому что смертельная вражья стрельба загоняла меня, как зверя, все дальше, пока я не удалился миль за шестнадцать от фруктового дерева возле дороги. Вот, значит, одолел я шестнадцать миль, но мне еще слышалась вражья стрельба, и я без оглядки помчался вперед и неведомо для себя на безоглядном бегу вступил в Лес Духов, или Страшный Лес, потому что по малолетству не успел отличить самое обычное «худо» от «добра». А этот Лес Духов был такой страшный, что телесные существа, даже самые великие, не подступали к нему ни ночью, ни днем.

Но как только громкая вражья стрельба загнала меня незамеченно в Страшный Лес Духов, потому что мне было по малолетству неведомо, куда телесные существа не допускаются или сами страшатся ходить, я вытащил из кармана оба плода, которые оставил мне у дерева брат, и в ту же минуту без остатка их съел, а то из-за страха и смертельных опасностей мне стало голодно еще на дороге, и я почувствовал, что пора подкрепиться.

После подкрепления своей жизни плодами я принялся нескончаемо бродить по лесу, пока не увидел чащобный холм, затемненный деревьями и ночью и днем. А земля на холме была всюду чистая, будто ее кто-нибудь приходил под-

метать. И вот я пригнулся к самой земле, чтобы внимательно оглядеть холм, потому что устал слоняться по лесу и мне захотелось хорошенько выспаться. Я пригнулся, но ничего в затемненности не увидел, и лег плашмя, и увидел вход.

Это был вход вроде двери в дом, и там виднелось небольшое крыльцо, и оно сияло ослепительным блеском, будто его все время чистили полиролью. (А сделано оно было из чистого золота.) И вот, не различая по своему малолетству «добра» и «худа», я ошибочно подумал, что надо бы сюда войти, и вошел, и добрался до перекрестка из трех коридоров, которые вели в три разные комнаты.

А эти комнаты, как я сразу сообразил, отличались каждая разным убранством – серебряным, золотым и медным. Сначала я просто стоял в нерешимости, думая, по какому пойти коридору, но, когда из комнат за этими коридорами до меня донеслись аппетитные запахи, причем для каждой свой собственный и особый, я сообразил, что смертельно проголодался еще до того, как взошел на холм, в котором был вырыт этот пещерный дом, и вот я начал принюхиваться к запахам, чтоб ясно понять, куда мне двинуться. Я, конечно, сразу понял, или учуял, что житель комнаты с золотым убранством жарит птицу и печет хлеб, а житель комнаты с серебряным убранством готовит ямс и сдобные булки, но зато из комнаты с медным убранством пахло так, будто тамошний житель варит рис и сладкий картофель на очень вкусном африканском соусе. И вот я решил отправиться в комнату, из кото-

рой чуялся африканский соус, потому что предпочитаю африканскую пищу. Но я не знал, что мои решения, принятые только про себя и в уме, слышатся жителям комнат, как голос, а значит, от них ничего не скроешь. Поэтому не успел я шагнуть к той комнате, из которой чуялся африканский соус, как все эти комнаты без дверей и окон разом отворились и явили трех духов, а духи стали манить меня пальцами – каждый к себе и чтобы незамедлительно.

Они уже состарились до полной дряхлости, так что мне было очень трудно поверить в их живое существование на земле, хотя они значились живыми существами. А я как поднял ногу, чтобы шагнуть, так и застыл – сам стою, а нога висит – и в оба глаза разглядываю духов. Разглядывал я их, разглядывал и с удивлением разглядел, что каждый из духов был под стать своей комнате: в золотой комнате – и дух золотой, в серебряной – серебряный, а в медной – медный.

Каждый манил меня пальцем к себе, и, когда я выбрал Медного духа, потому что люблю африканскую пищу, Золотой дух сразу услышал мой выбор и поэтому легко увидел мой шаг в сторону медного коридора, где соус, – а все они только о том и думали, чтобы залучить меня к себе в услужение, – и вот с надеждой меня залучить, или отвадить от Медного духа, Золотой дух опустил свой палец, а глазами высветил мое тело в золото. Он, значит, высветил мое тело в золото, и я подумал, что сделался золотым, потому что ярко светился по-золотому, и решил выбрать Золотого духа. Но

как только я выбрал Золотого духа и сделал шаг, чтобы двинуться к нему, Медный дух высветил всего меня медью, и я немедленно засверкал по-медному, да так ослепительно, что впору зажмуриться, а уж дотронуться до себя я даже и не пытался: об такое сверканье враз обожжешься. И тогда я выбрал Медного духа – за африканский соус и огненное сверканье, – но тут воспротивился Серебряный дух и высветил меня ослепительным серебром. Серебро засияло наподобие снега, и все мое тело стало прозрачным, так что я мог бы пересчитать себе кости. Но как только я начал считать себе кости, духи принялись лучисто соревноваться, или ревновать меня друг к другу, чтоб залучить, и высветили каждый своим собственным светом, так что я засверкал трехцветным сиянием и забегал по коридорному перекрестку кругами, не зная, какого же духа мне выбрать.

Я бегал по перекрестку тридцать минут, но Медный дух был умнее других и перестал высвечивать меня по-медному, так что я получил небольшую возможность добраться хотя бы до двух остальных. И, конечно же, когда Золотой дух понял, что до двух разных духов одновременно не доберешься, он прекратил высвечивать меня золотом, и я побежал к Серебряному духу. Побегать-то я побежал, а добежать не успел, потому что, едва я приблизился к его комнате, два другие духа (Золотой и Медный) высветили меня своими сияньями, и я трехцветно завертелся на месте. Но я вертелся не все время, а с перерывами, потому что духи включали свои

сиянья строго поочередно через каждые три секунды, и это были мне от них СИГНАЛЫ, чтоб я окончательно выбрал одного.

Хотя меня радовал, или залучал, любой их сигнал – они все мне нравились, – я без колебаний выбрал Медного духа, потому что люблю африканские соусы, и, когда он высвечивал меня по-медному, а другие духи ненадолго отключались, я шаг за шагом подступал к его комнате и оказался в ней минут через десять, а он, обрадованный до полного удовольствия, сразу же принялся меня кормить изобильным обедом на африканском соусе, и его обед был цветом в медь. Но все эти дряхлые от старости духи желали – каждый – залучить меня в услужение, и, когда два другие духа увидели, что я обедаю у Медного духа, который готовит на африканском соусе, они ворвались в его медную комнату, и между ними разгорелся спор. И вот сперва они просто спорили, а потом все трое в меня вцепились – да так, что мне стало трудно дышать. Они меня тянули каждый к себе изо всех своих сил три часа подряд, но мне-то вовсе не хотелось растраиваться на три совершенно разные части, и я закричал в самый полный голос, так что окрестные духи и духевы, все без исключения, прибежали к их дому, и минут через двадцать он уже не вмещал толпу собравшихся из окрестностей духов, которые слышали в чашобах мой крик и явились уладить эту спорную тяжбу. Но как только собравшиеся заметили, или поняли, что Медный, Золотой и Серебряный духи

тянут меня в три разные стороны, они сейчас же приказали им прекратить, и опасная тяжба немедленно кончилась.

Потом собравшиеся духи и духевы выстроили трех спорщиков одной шеренгой и наказали мне выбрать себе господина, чтоб уладить их тяжкое взаимонепонимание. И вот я рассматривал этих трех духов со всей сердечностью, какая у меня есть, а те, кто явился улаживать ссору, внимательно слушали, как стучит мое сердце, чтобы понять, кого оно выберет, потому что они понимают стук сердца вроде умелых телеграфистов на почтах, когда те слушают телеграфные аппараты. И они приказали мне выбирать только сердцем, а ртом ничего не говорить и помалкивать, чтобы мой выбор был сердечный, а не корыстный.

Когда мое сердце простучало свой выбор, оказалось, что выбран Серебряный дух, а если бы меня спросили словесно, я выбрал бы Медного духа – из-за корысти, или за его африканский соус. Вот сделал я выбор и внимательно огляделся и в ту же минуту зорко заметил, что у многих духов из окрестных чащоб не было пальцев на руках и ногах, а у многих – не было ни рук, ни ног, и вместо ходьбы они ловко прыгали. А у некоторых не было глаз и ушей, но я в тот же день с удивлением обнаружил, что, когда им приходится прыгать по лесу, они прекрасно все слышат и видят, а своей голизны ничуть не стыдятся, хотя у них нет никаких одежд.

Духи безглазо на меня глядели и безухо слушали мой сердечный выбор, а когда услышали про Серебряного духа, раз-

решили ему ко мне подойти, и он обрадованно посадил меня на плечо и унес в свою комнату (Серебряную комнату). Но как только мы оказались в Серебряной комнате, ревнивые духи (Золотой и Медный) ворвались вслед за нами к Серебряному духу и стали соревноваться при помощи драки. Их драка была такой разъяренной, что даже ветер бездыханно замер, а все существа из окрестных чащоб, и большие деревья, и малые кустики неподвижно застыли там, где стояли, но духи (Медный, Золотой и Серебряный) продолжали драться с ревливой свирепостью, пока ужасающий окрестный дух, весь покрытый насекомыми существами, которые заменяли ему одежду, не явился на шум их яростного побоища

Смрадный дух

Ползучие твари и насекомые существа – такие, как змеи, многоножки и пауки, – служили духу надежной одеждой для защиты от холода, жары и дождей. Да его и увидеть-то было нелегко, потому что бессчетные кровососные паразиты вроде комаров, москитов и мух жили вокруг него, как мутное облако, и кормились от мяса убитых зверей, на которых он все время кровожадно охотился. Но едва он явился к пещерному дому – откуда ни возьмись и по тайным тропам, – мы убежали на целую милю от его непригодного для дыхания смрада, а вернулись только минут через десять и стояли потом почти не дыша. А он так и звался по имени – Смрадный дух. И когда мне удалось его рассмотреть, я с испугом заметил, что он носит на пальцах живых скорпионов – как драгоценные кольца, а на шее – как бусы – ядовитых змей и подпоясывает свою насекомую одежду огромным змеем Боа-констриктор. (Но мне еще не было тогда известно, что он – король над Смрадными духами, которые живут в Седьмом городе Леса Духов.)

Он повелел прекратить ревнивую драку, вызвал трех духов из пещерного дома и, едва они вышли, спросил, в чем дело, а когда узнал, почему они дрались, тотчас же приказал позвать и меня, потому что я прятался от него в Медной комнате, как если бы увидел наяву страшный сон. Но делать

нечего, я вышел из дома, затаив дыхание от смрада и ужаса, а Смердный дух объявил собравшимся, что он расчленит меня на три части и взаимонепонимание будет улажено. Как только я услышал, что меня расчленят, я ослаб от страха до потери сознания и целый час ничего не чувствовал.

Но бог был так добр, что внушил трем духам не слушать советов самозванного расчленителя и быстро восстановил им силы для драки.

Вот они с божьей помощью отдохнули, а поэтому не стали делить меня на троих и принялись драться до полной победы – так я остался целый и невредимый, – а Смердный дух, увидев их драку, схватил меня раскаленными, как огонь, руками, сунул в огромную охотничью торбу, которая свисала у него с плеча, и отправился куда-то по своим делам. Но едва я попал в охотничью торбу, на меня набросились насекомые твари, потому что им нравится человечья кровь, и с тех пор, пока я сидел в его торбе, они не давали мне ни минуты покоя. Так я избавился от ревнивых духов и начал отбывать суровые кары в запретном для телесных существ Лесу Духов.

Смердный дух шел по лесу до самого вечера, а когда стемнело, неожиданно остановился и начал громко сам с собой рассуждать, съесть ли сегодня меня целиком или оставить половину на завтра, потому что он весь день охотился за добычей – выслеживал какого-нибудь беспечного зверя, – но ничего не добыл и очень проголодался, а до Седьмого города, где он был королем, ему добраться так и не удалось.

Смрачному духу было трудно охотиться, потому что лесные звери и птицы издали чуяли его зловоние и, когда он подкрадывался к ним, удирали. Ему не удавалось добыть себе пищу, пока он не набредет на спящее существо. И вот он громко рассуждал сам с собой, не пора ли отъесть от меня половину, чтобы оставить еды и на завтра, но тут увидел какого-то зверя и мигом бросился за ним в погоню, а когда этот зверь убежал, или спасся, в кустах объявился еще один зверь – полумертвый от старости и легкопобедимый. Смрадный дух убил его до полной смерти и сейчас же начал кроважно жрать, а я с огромным удивлением обнаружил, что он отрезбл от зверя куски и кормил пауков, скорпионов, змей и прочих тварей со своего плеча, которые служили ему как одежда. Наевшись до сытости, Смрадный дух встал, собрал остатки убитого зверя, бросил их в торбу – прямо мне на голову, а они, даром что несъеденные остатки, оказались тяжелыми, как кровавая тонна, – и отправился к Седьмому городу духов. Он-то отправился, а змеи с его плеча, которые не насытились отрезанными кусками, начали воровато про-юркивать в торбу, быстро откусывали кто сколько сможет и сразу же ускользали на свои места, чтобы Смрадный дух ничего не заметил. При этом они кусали и меня, потому что им некогда было разбираться: хозяин мог заподозрить их воровство и наложить на воров справедливое наказание. Но это-то ладно, а поскольку я слышал, что он – еще до успешной охоты – хотел меня съесть за ужином или завтраком, я ре-

шил вцепиться в крепкую ветку, когда он будет пролезать под деревом, у которого ветки до самой земли, – а таких деревьев там было во множестве, и Смордный дух пробирался под ними по целой миле, а то и дольше; так я задумал от него спастись.

Когда стемнело, я поднялся в торбе, чтобы незаметно схватиться за ветку, потому что, если бы я спрыгнул на землю, Смордный дух мог зорко заподозрить побег и сразу вспомнил бы про меня в его торбе – я надеялся, что он обо мне позабыл, – а если бы он погнался за мной и поймал, то тогда уж наверняка не забыл бы съесть. Трудно сидеть в охотничьей торбе, но еще труднее из нее вылезать, потому что, когда наступила тьма и я попытался ухватиться за ветку, под которой как раз пролезал Смордный дух, змеи начали меня кусать, и я сейчас же спрятался вниз, а потом опять попытался подняться, и змеи снова меня прогнали на самое дно охотничьей торбы, так что я даже не успел отдышаться от кровавой и тесной духоты в этой торбе, а про свой побег и думать забыл.

Так мне не дали спастись из торбы, и, когда Смордный дух пришел на поляну, где у тамошних духов проводятся совещания, он остановился, снял свою торбу и сел на нее (а в торбе был я), потому что не нашел свободного пня.

Духи совещались несколько часов по какому-то важному для них вопросу, и вот Смордный дух поднялся с торбы, вытряс из нее недоеденное мясо и предложил совещантам

немного поесть. А я крепко-накрепко вцепился в торбу и не выпал на землю, но очень боялся, что мяса не хватит и меня съедят – пока один дух из низшего ранга не принес им в дар огромного зверя. Смердный дух опять уселся на торбу, и я почувствовал, что не могу продохнуть – он был смердный да еще и ужасно тяжелый, – но к двум часам по ночному времени совещание духов, к счастью, закончилось и они разбрелись в свои города (а я еще не успел задохнуться и раздавиться). Смердный дух встал со своей торбы (меня) и, крадучись чащобами, отправился домой. Но хотя он шагал неслышно и крадучись, лесные звери чуяли его смерд за четыре мили и успевали удрать. А я висел у него на плече в охотничьей торбе три дня подряд – пока он не дошел до Седьмого города.

Моя жизнь в седьмом городе духов

Когда он дошел до Седьмого города и вытряс меня в своем доме из торбы, я сразу же понял, что его домочадцы – такие же Смердные духи, как он: мне не удавалось продохнуть полчаса, когда я выпал в его доме из торбы. Но самое интересное, что даже их дети – даже грудные, или новорожденные, – воняют сильнее, чем годовалая падаль. Смердный город отстоит за многие мили от любого другого города в Лесу Духов, и, когда Смердный дух встречается Несмердного, оба немедленно начинают задыхаться – один от свежести, а другой от зловония.

Вот, значит, выпал я из охотничьей торбы, и Смердный дух принес мне поесть, но еда оказалась для меня несъедобной, и я попросил принести мне попить, потому что не пил с той самой поры, как расстался у фруктового дерева с братом. Смердный дух предложил мне желтую жижу, и я догадался, что это моча – Смердные духи воду не пьют, а мочу хранят в огромных горшках, – и мне стало ясно, что, пока я здесь, меня ожидает голод и жажда.

В их городе ядовитые насекомые существа заменяют скактерти, одеяла и занавески, всякая летучая кровососная тварь служит защитой от света и солнца, а змеи ползают по темным улицам, будто их разводят как домашних животных.

Я побывал на «Выставке смердов». Это у них ежегод-

ная выставка. Жители собираются на главную площадь, и высшая премия дается тому, кто смердит сильнее, чем все остальные, – его назначают очередным королем, и он королевствует до следующей выставки.

На другой вечер их Смердный король, а для меня хозяин, определил мне жилье – втолкнул что есть силы в одну из комнат с бесчисленным количеством паразитных тварей, которые выпихнули меня обратно, потому что считали комнату своей, но хозяин опять меня к ним втолкнул, быстро захлопнул дверь и ушел. Как только он захлопнул дверь и ушел, меня облепили паразитные твари – хоть стой, хоть падай, – и я лег на пол. Вот лег я на пол без всякой подстилки и спросил, нельзя ли получить одеяло – может, мне удалось бы укрыться от смрада, в котором роились паразитные твари, – но, едва прозвучал мой вопрос про одеяло, послышались восклицания: «А что это такое?» – я ведь попал не к бабушке в гости. Уснуть мне, ясное дело, не удалось – из-за смрада и кровожадных паразитных тварей, а когда поутру меня вывели на веранду, перед ней толпилось 2000 духов из разных окрестностей Седьмого города, который числится столичным городом, – они явились еще до рассвета поздравить моего хозяина за находчивость, потому что ему удалось найти неведомое для них телесное существо.

Как только хозяин вывел меня из дома, я сразу же сделался центром внимания: Смердные духи сели на землю, так что образовался громадный круг, а меня поставили в самый

центр круга, или своего кругового внимания, и принялись разглядывать с удивленными вздохами. Но мне-то пришлось дышать только изредка – раз в минуту – из-за их зловония, которое казалось им ароматным благоуханием.

А потом хозяин, или Смердный король, стал превращать меня в разных существ. Сначала я превратился по хозяйевой воле в ловкую обезьяну с цепким хвостом, чтобы лазить на пальмы и рвать им фрукты. Потом он превратил меня ненадолго в льва, но я не успел нагнать на них страху, потому что сразу же превратился в коня, потом в верблюда, а потом в быка с двумя огромными рогами на голове. Но забодать их я тоже, к сожалению, не успел, потому что опять вдруг стал человеком. Когда превращения благополучно закончились, жены хозяина вынесли пищу, которая была приготовлена на кухне, и раздали, вместе с напитками, духам, а те хоть и принялись тотчас же есть, но смотрели во все свои глаза на меня, потому что за всю их смердную жизнь ни разу не видели телесных существ. Никто из духов не сказал ни слова – они только пялились на меня и ели, а вся их еда, включая напитки, была зловонной и для меня незаметной, потому что, как только ее принесли, она покрылась насекомыми тварями. Поев и выпив до полного удовольствия, Смердные духи приступили к веселью – они плясали, и били в барабаны, и хлопали меня ладонями по макушке, и пели песни весь день до ночи, а потом отправились кому куда надо, или разошлись по своим домам. Но мой хозяин много дней подряд полу-

чал поздравления, подарки и письма от самых разных духов и духов, которые по затруднительным обстоятельствам или старости не смогли присутствовать на церемонии лично.

На пятый день после этой церемонии в комнату, куда меня временно поселили, пришел старший сын моего хозяина – однорукий, беззубый и с лысой головой, – чтобы отвести меня к привратной сторожке. Около сторожки нас ждал мой хозяин, и, когда мы явились, он превратил меня в лошадь, а потом надел мне на голову уздечку и толстой веревкой привязал к пню. Привязал он меня, или лошадь, к пню, а сам поспешил в свой центральный дом, чтобы обрядиться по королевскому рангу в одежды из самых драгоценных листьев, – а матерчатую одежду Смердные духи не признают. Одевшись, он вышел к привратной сторожке со свитой из двух приближенных прислужников, которые должны сопровождать короля, куда бы он ни отправился и когда бы то ни было. Прислужники отвязали лошадь (меня), и он вскочил как наездник в седло, а прислужники погнали меня бичами вперед. Но он, в одежде из золоченых листьев и безжалостно взгромоздившись на меня верхом, показался мне тяжким, как полутонное бремя.

Ему захотелось посетить города, из которых приходили его поздравлять, а кое-кто по обстоятельствам или старости прийти не смог, но прислал подарки, – и вот он решил поехать к ним сам. Если ему нравился какой-нибудь дом, он входил к хозяевам для получения поздравлений, а я оставал-

ся у крыльца – как лошадь, – на радость и удивление мало-летним духам, которые собирались огромной толпой и тыкали мне в глаза палками или пальцами, чтобы услышать, если я закричу, какой у меня окажется голос. А мой хозяин про-водил в каждом доме не меньше часа – для пира и праздни-ства, – потому что со всеми, кто его принимал, он ел и пил до полного удовольствия и только потом выводил их на ули-цу, чтобы они могли меня рассмотреть. Минут через трид-цать смотрины кончались, и он безжалостно взгромождал-ся в седло, и прислужники начинали меня бичевать, а духи и духевы наперебой улюлюкали, будто я вор и хочу от них скрыться. Когда начиналось бичеванье и улюлюканье, хозя-ин принимался подсакивать в седле и радостно пинал меня обеими пятками, пока я не убегал из этого города.

Но вот к двум часам по дневному времени он приехал в одно небольшое селение, спрыгнул на землю у просторного дома, где жил самый главный в селении дух, и скрылся за дверью для обычного праздника, а минут через десять из этого дома вышел ужасающего вида слуга, который умел го-ворить только носом, а живот свисал у него по бокам на бед-ра, и он принес мне лошадиную пищу – охапку листьев да пригоршню сорго. В лошадь я превратился только по виду, но мне слишком долго пришлось голодать – с тех пор, как меня накормил Медный дух, – поэтому пригоршню сорго я съел, хотя никогда его раньше не пробовал, а листья все-та-ки прожевать не смог. Тогда еще один жуткий слуга, у кото-

рого рот выходил на затылок, принес мне ведро известковой мочи, а я был привязан к забору на солнцепеке, и жажда замучила меня до безумия, и я безумно отхлебнул из ведра и потом три часа не мог отплеваться. Но самая суровая кара на солнцепеке была мне от множества малолетних духов, которые карабкались на меня, как на дерево, потому что никогда не видели лошадь.

В восемь часов по вечернему времени хозяин вышел из дома на улицу и, когда все духи меня осмотрели, взвалил мне на спину полученные дары, а сам, как обычно, уселся в седло. Но к этому времени стало темно, так что я беспрестанно заходил в тупики, или натыкался лбом на деревья, и нам удалось добраться до города только за полночь, или около часа. А вдобавок ко всему хозяин, по пьяности, не сумел возвратить мне мой прежний вид, и прислужники решили привязать меня к пню. Они привязали меня к пню и ушли, а я, как лошадь без человеческих рук, остался у пня на съедение комарам, потому что мне нечем было их отгонять. В общем, я не спал всю ночь напролет, и хозяин сумел превратить меня в человека только на следующее утро – когда проспался.

Потом он принес мне зловонной пищи, но я не смог наесться по-настоящему – чтобы до сытости и полного удовольствия, – а только немного подкрепил свои силы. Едва я успел подкрепить свои силы, как сделался по хозяйевой воле верблюдом, а хозяйские сыновья приступили к перевозкам тяжелых грузов на дальние расстояния: от двадцати пя-

ти до пятидесяти миль. Вскоре остальные Смердные духи тоже распознали меня как транспорт, и мне пришлось трудиться вовсю: хозяин сдавал меня духам в аренду, и утром я увозил их грузы из города, а вечером возвращался с грузами в город, и вечерние грузы были самые тяжкие. А когда узналось, что за дневное время мне не под силу обслужить их всех, они решили меня разделить, и вот одних я обслуживал днем, а других – ночью, без всякого отдыха. Так меня сделали круглосуточным грузовозом, или всеобщим транспортным средством, и я не ведал ни минуты покоя, пока работал на Смердных духов.

Тем временем обо мне повсеместно прослышали разные духи из других городов, и, чтобы увидеть меня в виде лошади, они решили созвать совещание – духи вообще любители совещаний, – и мой хозяин получил приглашение приехать в тот город, где намечено совещаться, потому что его ожидали на лошади. Хозяин радостно согласился приехать, но для этого он должен был превратить меня в лошадь – на верблюде возят грузы, а не людей, – и вот, чтобы снова превратить меня в лошадь, он для начала превратил меня в человека, а сам отправился домой за уздечкой. Он, значит, превратил меня в человека и отлучился, но во время превращения мне удалось подсмотреть, где у него хранятся некоторые джу-джу, и, когда ему пришлось отправиться за уздечкой, я быстренько утаил их, или присвоил, чтобы он не смог превратить меня в лошадь. Бог был так добр, что хозяин забыл,

где у него хранятся эти джу-джу: он думал, что положил их в карман штанов, которые сотканы из насекомых существ, а подвязаны змеем Боа-констриктор, – он ведь решил превратить меня в лошадь не возле дома, а на высокой горе, милях в шести от Седьмого города, чтоб оттуда уж ехать па совещание духов по королевскому рангу, или верхом.

Вышел он, значит, с уздечкой из дома и сунул меня в охотничью торбу, которая висела у него на плече как обязательная королевская униформа, – Смердные короли без торбы не путешествуют. Сначала он шел по лесу пешком, а я свисал в его торбе к земле, но когда он взошел на вершину горы, то сразу присел по нужному делу, а я стал думать, как бы спастись, и вспомнил, что его джу-джу у меня. Как только мне вспомнилось, что джу-джу у меня, я мигом выпрыгнул из торбы на землю и во все свои силы ринулся к лесу, а он вскочил от нужного дела и погнался за мной и завопил на бегу:

– Ой! Телесное существо удирает! Как же мне его поймать, ой-ой-ой, потому что в тот город, где намечено совещание, меня просили явиться верхом! Если б я знал, что такое случится, я бы заранее превратил его в лошадь, но, если ему не удастся сбежать, я превращу его в лошадь навек, чтобы отучить от злостных побегов, да только как же мне его изловить?!

С этими криками он мчался за мной, а я убегал и приговаривал так:

– Ой! Как же мне от него спастись, потому что, если я не смогу убежать, он превратит меня в лошадь навек и мне никто не поможет добраться до отчего дома, где живут мои родичи! Ой-ой-ой, как же мне от него спастись?!

Но духи, а Смердные духи особенно, бегают быстрее телесных существ, и, когда он приблизился ко мне донельзя – мне ведь нельзя было ему попадаться, – или на расстояние вытянутой руки, я без раздумий применил джу-джу, утаенные возле хозяйского дома, и сразу же превратился в корову с рогами, а если бы у меня было время подумать, я сообщил бы, что те джу-джу, которые превращали меня в человека, хозяин всегда носил при себе. Конечно же, как только я превратился в корову, у меня появились новые силы, и я помчался быстрее, чем хозяин, и вскоре мне удалось от него сбежать, но тут вдруг из чащи выпрыгнул лев, и я понесся быстрее быстрого, потому что лев охотился за добычей и решил добыть меня на обед как корову и гнался за мной примерно две мили, пока не загнал меня к Скотоводческим духам, у которых когда-то пропала корова. Лев испугался их устрашающих воплей и удрал с ответным рычаньем в чащобу, а я остался на поляне с коровами. И меня как корову загнали в стадо.

Скотоводческие духи потеряли корову и думали, что она скиталась по чащам, а я хоть и был человеком из города, но выглядел как выгнанная из чащи корова.

Моя жизнь среди коров

Пока я жил среди домашних коров, меня считали одичалой коровой и наказывали двойными коровьими карами, как если бы я был упрямой коровой. На ночь нас запирали в скотном дворе, чтобы коровам не удалось разбежаться, но коровы-то не люди, а домашний скот и к тому же гораздо сильнее людей, и они бодали меня под бока или лягали косяными копытами, так что я часто падал на землю, думая, что меня непременно убьют или, еще хуже, продадут мяснику и он забьет меня как корову на мясо. А коровы копытили меня и лягали, чтобы я поступал по коровьим обычаям. Они никогда не уставали жевать да еще и мычали страшными голосами, а если ночью начинался дождь, то им это было в особое развлечение, и они от радости взбрыкивали на месте или скакали взад-вперед по двору, потому что он был огороженный, но без крыши.

А утром пастух из Скотоводческих духов выгонял нас всех на дикое пастбище, и коровы тотчас же по нему разбредались и жадно жевали на солнцепеке траву, а я валился под солнцем на землю, потому что был превращенной коровой и не мог, как они, питаться травой. Хорошо, что хоть по дороге на дикое пастбище мы переходили вброд ручеек, и я пил воду для утоления жажды – утром и вечером – вместо еды. Я не мог объяснить Скотоводческим духам, что я не коро-

ва, а попросту превращенный, но всячески показывал, что я человек — особенно когда они жарили ямс, — подходил и слизывал упавшие крошки, если духи нечаянно их роняли, а когда они начинали какой-нибудь спор, то я кивал или качал головой, чтобы они видели, кто из них прав.

Но едва они заметили, что я слизываю крошки, а если пет крошек, то лежу на траве или стою у костра с указаниями, кто из них прав, а кто ошибается, как начали гонять меня кнутах вдовль пастбища, будто одичалую корову из чащи, и мне было некуда деться от их кнутов, но вести себя по-коровьи я все равно был не в силах. А пастухи хотели, чтобы я вел себя по-коровьи — может, кнутах они меня образумят и я примусь пастись, как корова, — но, увидев, что я и под кнутах не образумился, они решили, что я заболел.

На третий день после этого решения они повели меня продавать на базар, где до самого вечера никто меня не купил, а поэтому нам пришлось возвращаться обратно. Дня через два мы опять пошли на базар, но окрестные мясники раскупили всех коров, а я опять остался некупленный, и все говорили Скотоводческим духам, что если они снова погонят меня домой, то пусть убивают как можно скорей, чтобы я не умер сам по себе. Мясники считали, что мне долго не протянуть — я ведь не мог вести себя по-коровьи и был худой как скелет от голода и свирепого обращения со мной как с коровой, которая упрямится из-за временной дикости, потому что недавно прибежала из чащи. В этот раз на обратном пути, когда

никто меня опять не купил, а базар закрылся по позднему времени, Скотоводческие духи злобно меня ругали и безжалостно били до самого дома. Они меня били и рассуждали в уме, что если я и в третий раз останусь непроданный, то они убьют меня на мясо, или съедение, потому что я был им без всякого проку. Но когда мы явились в третий раз на базар, меня наконец купила старушка – к двум часам по дневному времени. А купила она меня, потому что ее дочь неожиданно ослепла много лет назад, и, когда она обратилась к местному прорицателю, тот ей сказал, что пусть пойдет на базар, купит у скотоводов на базаре корову и убьет ее в жертву их городскому богу – тогда ее дочь обязательно прозреет. Как только эта старушка услышала про корову, она немедленно отправилась на базар, купила задешево худую корову и привела в свой город для жертвы богу. (А эта худая корова был я.)

Она привязала меня к столбу перед домом, но столб, к которому она меня привязала, стоял под безжалостным полуденным солнцем, или со-вершешю открытый небу. Она меня привязала и ушла в свой дом, а минут через тридцать вынесла ямсу, и я наелся до полного удовольствия, потому что это был поджаренный ямс. Но вечером она не увела меня в дом или какое-нибудь безопасное место, и я остался под открытым небом на произвол погоды и страшных существ, которые захотели бы на меня напасть. К восьми часам по вечернему времени все в этом городе крепко уснули, а в десять хлынул проливной дождь, и я стоял под дождем до утра, и

меня всю ночь донимали комары, каждый размером с огромную муху – такие водятся только в Лесу Духов, – а рук у меня не было, чтобы их отгонять, да еще и от ливня я продрог до костей, и опять же не было у меня человеческих рук, чтобы развести костер и согреться.

Меня спасает кола

В двенадцать часов по дневному времени весь город собрался у дома старушки, которая купила меня на базаре. Когда все явились, четверо горожан отвязали меня от столба перед домом и повели туда, где стоял их бог. Дойдя до бога, я с ужасом обнаружил, что больше пятидесяти собравшихся горожан держат в руках кинжалы и сабли, ножи, мечи, топоры и секиры, да к тому же отточенные острее острого. Сначала – и это был первый обряд – они меня положили перед богом на бок. Тут я хотел было им сказать, что я человек, а не худая корова, но все это так и осталось втуне, потому что если мое сердце кричало – человеческими словами и очень убедительно, – то мой рот мычал коровьим мычаньем, страшным для них, а главное, непонятным. Вот, значит, положили они меня перед богом и трижды сплясали ритуальную пляску – это продолжался первый обряд. Потом они трижды помолились богу – и это был уже второй обряд. Но когда было сказано слово КОЛА – а оно должно быть сказано на молитве, – понадобилось, чтоб старушка дала им колу, потому что кола приносится в жертву вместе с убитой перед богом коровой, и вот у старушки попросили колу, и она внимательно пошарила в сумке, а потом сказала, что забыла ее дома и, значит, ей надо вернуться домой.

Старушка ушла за колой домой, а в дело вступил их город-

ской шут и сказал, что хоть я и худая корова, но он с удовольствием отведаёт мяса, и если он сейчас полумертвый от голода, то в скором времени наестся до смерти. А среди четверых, кто держал меня перед богом, попался, к счастью, один смешливый, и он как начнет, как начнет хохотать, и тогда все другие тоже расхохотались, а держать-то меня во время хохота позабыли, и вот я вспрыгнул изо всех своих сил и отпрыгнул ярдов примерно на девяносто. Я, значит, отпрыгнул, а они испугались – у меня ведь были на голове рога, – и, прежде чем они успели опомниться, я умчался в лес на целую милю, а они побежали в город за ружьями, потому что без ружей я б им не дался. Я мчался по лесу не разбирая дороги и вдруг ошибочно забежал в озеро – очень глубокое из-за сильных дождей и покрытое водорослями, а поэтому незаметное. Но едва только водоросли подо мной расступились и я увидел свое отражение – корову с рогами, – я стал человеком. Конечно, если бы мне знать заранее, что надо отразиться в озерной воде, чтобы стать человеком, я давно бы им стал и меня не купила бы на базаре старушка, которая отправилась покупать корову по приказанию прорицателя и для жертвы богу, чтоб ее дочь наконец-то прозрела.

Вот, значит, превратился я опять в человека и, когда увидел преследователей с ружьями, спросил их по-человечески, чего они ищут, а они мне ответили, что ищут корову, которая убежала, и я им сказал:

– Ваша корова скрылась вон там, идите, куда я показал,

и найдете.

Они побежали, куда я им показал, потому что приняли меня за духа, а я, как только они исчезли из виду, поспешно отправился в другую сторону, или на поиски родного города.

Я бродил по лесу месяца три и однажды вечером, плутая в чащобе, нашел большое сухое бревно – шесть футов длиной да три в диаметре – с дуплом, которое шло вдоль бревна, но не до самого конца, а наполовину, и, значит, у него не было второго выхода. Я сразу же вошел в дупло, чтоб уснуть, потому что не спал с того самого дня, как меня купила на базаре старушка, а, удрав от убийства для жертвы богу, бродил по чащобам в сезон дождей, которые лили, почти не переставая, с утра до вечера и всю ночь напролет. Я заснул в дупле и спал очень крепко, и меня похитил Бездомный дух – его родила Неизвестная мать, и он с рождения бесконечно скитался, а теперь забрался в дупло, чтоб обсохнуть. Но едва он наткнулся в дупле на меня, как сразу же выскочил, отыскиал пень и заткнул им выход – а другого там не было. Потом он взвалил бревно на голову – а я еще спал, ни о чем не ведая, – и унес, прежде чем я пробудился, на огромное расстояние, или очень далеко, потому что духи ловко шастают по лесам, хоть на короткие, хоть на длинные расстояния.

Вот я проснулся в дупле и понял, что меня несет Неизвестный дух, или неведомое мне существо, а куда несет, я не знал и подумал, что он может бросить меня в костер, а может швырнуть в глубокую реку. Подумал я так и принял-

ся причитать – не в полный голос, а немного потише, – но я не знал, что в том же дупле, куда я влез, чтоб обсохнуть от ливня, еще того раньше поселилась змея. Как только я начал тихонечко причитать, змея проснулась и хотела выползти, потому что испугалась моих причитаний, но выползти-то ей оказалось некуда, и она обвилась вокруг меня кольцами. Она испугалась моих причитаний, а я ужаснулся от ее обвинений и от ужаса начал причитать во весь голос – на радость и удовольствие Бездомному духу, для которого мои причитания были музыкой, да не просто музыкой, а пьянящей и величавой, так что он принялся плясать и шататься, как будто выпил, но не просто выпил, а отведал самого замечательного напитка, предназначенного для Его Величества Короля, главноуправляющего над Лесом Духов. Бездомный дух решил, что бревно, которое он нес по лесу на голове, само от себя разливается музыкой, и вот он слушал, плясал и шатался – из стороны в сторону и от чащи к чаще. Но пока он слушал, плясал и шатался, к нему подоспело могучее подкрепление – более миллиона Бездомных духов, и они стали слушать бревно, как радио. Они слушали мои причитания, как радио, и для них причитания слышались музыкой, самой пьянящей и величавой на свете, поэтому они не могли удержаться и плясали, будто Безумные духи. Сначала они плясали вокруг бревна, потом уплывали на милю в лес, а потом опять приплясывали к бревну. И так продолжалось три дня и три ночи – духи плясали не-пито-не-едено, потому что им

некогда было остановиться, — и весть о музыке в сухом бревне облетела тысячи городов и селений.

Тогда многие почтенные духи начали приглашать Бездомного духа на разные празднества, чтоб слушать музыку. Как только он прибывал, куда был позван, там первым делом учинялся пир — с напитками и до самого полного удовольствия, — а потом он сильно стучал по бревну, и это был знак для начала музыки, а змея принималась метаться в дупле и, не найдя выхода, обвивалась вокруг меня, а я ужасался от ее обвиваний и начинал причитать в самый полный голос, а им мои причитания слышались музыкой, и они пускались плясать до упаду, или до самого позднего вечера, потому что им все равно что ночь, что день, и так у всех без исключения духов.

Но причитать с утра до позднего вечера, без срока и отдыха, человек не может, и, когда я смолкал, чтоб немного передохнуть, или мой голос делался сиплым, они подносили бревно к костру, и я опять начинал причитать — поневоле, или от жара и ужаса, — а змея принималась метаться как угорелая, и стенки дупла гремели по-барабанному, будто сопровождение моим причитаниям, и духи снова пускались в пляс.

На празднестве поминовения

Бездомный дух стал прославленным духом из-за моих причитаний в бревне, которые слышались духам, как музыка, и вот один знаменитый дух, чья мать умерла в те давние времена, когда глаза у всех были на коленях, пригласил таких же духов, как он, – а у них в каждом городе все духи одного вида – на день рождения, или поминовения, своей умершей в древности матери, а для пущего празднества, чтобы было с музыкой, вызвал в свой город Бездомного духа. И вот, когда приглашенные собрались и до полного удовольствия отъели-отвыпили, Бездомный дух постучал по бревну, змея начала вокруг меня обвиваться, а я от ужаса стал причитать, и так продолжалось весь день до вечера, но к вечеру голос у меня осип, и я замолчал, как немой или мертвый, потому что не ел и не пил с той поры, когда забрался от ливня в дупло. И вот, значит, голоса у меня не стало, но гости уже наелись и напились, а им заранее обещали музыку, и все они принялись трясти бревно, а когда убедились, что оно молчит, Бездомный дух подхватил топор и стал раскалывать бревно на щепки. К счастью, как только бревно расщепилось, оттуда выползла наружу змея – я все же был немного потолще, хотя и не ел много дней подряд, – а когда вместо музыки явилась змея, приглашенные духи бросились врассыпную и накрепко заперлись у хозяина в доме. Едва они заперлись у хозяи-

на в доме, я напряг свои силы, развалил бревно – оно от изрубленности распалось напополам, – выскочил и помчался к дальнему лесу, а там притаился в ближайшей чащобе, так что, когда они вышли из дома, бревно оказалось располовиненным и пустым, как свидетельство сбежавшего из него существа.

Так я спасся от Бездомного духа, и еще до рассвета ушел далеко, и вступил в новый город и в новую жизнь – потому что там жили другие духи. Вот вступил я в город, а когда рассвело, увидел духа с человеческим лицом, да и весь он был как плотское существо. Я вошел к нему в дом и уважительно поприветствовал, а он мне ответил любезно и по-людски – меня давно так никто не приветствовал. И он немедленно предложил мне сесть. Я сел и хотел попросить у него еды, потому что не ел много дней подряд, но он оказался радушным хозяином и без всякой просьбы принялся меня потчевать.

Когда я поел и немного отдохнул, мне захотелось у него спросить, правда ли, что он – плотское существо, но на мой вопрос он ответил «и да и нет». Я не понял, какой из его ответов правильный – «да» или «нет», – и попросил объяснить, а он поведал мне целую историю о себе и городе, рассказывая так:

– Видишь ли, мы – Грабительские духи, мы грабим плотских женщин по всей земле, в любом государстве, городе и селенье. Слушай, Плотское существо, внимательно, я рас-

скажу тебе, как это делается. Если какая-нибудь женщина понесет, или у нее зачнется ребенок, мы выбираем одного из нас, чтоб он явился, когда она спит, и с помощью нашей магической силы заменился у нее в животе на ребенка. Женщина носит его под сердцем, а потом рождает вместо ребенка, и месяца через два или три после родов – вот она, самая главная тайна, о которой не знают плотские существа! – он становится в точности как полуторагодовалый и всем, а особенно матери, нравится, потому что выглядит сверхзамечательным, или удивительно необыкновенным, ребенком. Добьется он, значит, всеобщей любви и потом начинает притворяться больным, а любящая мать, чтоб его исцелить, принимается тратить все свои деньги и жертвует все свое достояние богам – лишь бы любимое дитя исцелилось. А этот ребенок – Грабительский дух – наделен сверхъестественной притягательной силой, и вот все деньги и жертвы богам копятся для него в секретном месте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.